

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИСТОРИКА.
ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЗМ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
М.А. БАРГА И В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ –
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: Автор статьи описывает эволюцию понятия «историзм» как в немецкой, так и в советской исторической науке, особо выделяя при этом интерпретацию этого понятия в исторической концепции советского медиевиста М. А. Барга. В центре внимания при этом стоят проблемы «истории понятий» и «терминологического инструментария» историка. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что исторической эволюции подвержены не только общественные процессы, но также те термины и понятия, которые эти процессы описывают. *Ключевые слова:* историзм и «марксистский историзм», тоталитаризм и историография, о характере отношения между философией и историей, о лингвистическом и историческом способах применения исторических понятий.

Об авторе: Андреас Буллер – доктор философии, референт Министерства интеграции земли Баден-Вюртемберг, Штутгарт (ФРГ), andre-as.buller@gmail.com

Историк и его понятия

Не только историк, но и любой другой человек видит мир через «призму» *своих* понятий, которые существенно определяют его восприятие действительности. Крис Лоренц (Chris Lorenz) – профессор Свободного университета Амстердам, специалист по теории и философии истории, автор широко известной книги «Конструкция прошлого. Введение в теорию истории» (Konstruktion der Vergangenheit. Einführung in die Geschichtstheorie) приводит нам в этой связи интересный пример, связанный с казнью французского короля Людовика XVI 21 января 1793 г. на гильотине. Наблюдающая сцену казни толпа видит, по сути, один и тот же акт – отделение головы от человеческого тела, но наблюдающий сцену казни, монархист запишет с

возмущением в этот день в свой дневник: «Сегодня черню был убит король Людовик!». А находящийся в той же толпе зевак, революционер, наоборот, восторженно зафиксировал: «Сегодня был казнён гражданин Капет!» [20 s. 28f]. Но что тогда произошло в действительности в этот день? Являлось происшедшее «убийством» или «легитимной казнью»? И *кто* был казнён / убит в этот день – «король» или «гражданин»? Создаётся впечатление, будто речь здесь идёт не об одном и том же, а совершенно разных событиях. Крис Лоренц замечает в этой связи, что не существует абсолютно *нейтрального* или же *объективно* «данного» человеку *наблюдения*, а любое наблюдение является уже *интерпретацией* [20 s. 32].

Анализируя вышеназванные интерпретационные расхождения, мы констатируем, что в данном случае *разными* понятиями описывается «одно и то же событие». Этот феномен очень хорошо знаком историкам, которые дискутируют часто об *одних и тех же* событиях или процессах, но описывают их различными способами или же с помощью различных понятий. Однако историки довольно часто сталкиваются и с проблемой другого рода, когда они описывают совершенно различные вещи или процессы *одними и теми же* понятиями. Примером подобной интерпретационной ситуации служит слово «историзм», которое десятилетиями советскими историками употреблялось в одном, а немецкими историками в совершенно другом смысле. Историю понятия историзм в различных культурных пространствах я и хотел бы здесь описать. Вначале я обращусь к анализу марксистского историзма, который здесь в Москве имеет всё-таки свою собственную традицию.

Марксистский историзм

Если понятие «марксизм» стало применяться уже в XIX столетии, то понятие «историзм» является более поздним изобретением. Внедряться оно стало в научный язык, благодаря появлению в 1936 г. работы немецкого историка Ф. Мейнеке «Возникновение историзма» (Meinecke, F. Das Entstehen des

Historismus). По этой причине мы не найдём понятия «историзм» в изданных в Российской империи словарях и энциклопедиях. Хотя в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1894 г. уже можно найти указание на «эволюціонную точку зрѣнія», которая, как по праву утверждает словарь, «впервые выработалась именно въ области историческихъ занятій» [2 т. ХША, 506].

Эволюционная точка зрения, как известно, рассматривает исторические явления в их развитии, а подобный подход является существенной чертой и марксистского историзма. Но самое раннее упоминание понятия «историзм» в русскоязычных словарях мне удалось найти в изданном уже в советское время «Толковом словаре» Ушакова 1935 г. Здесь понятие «историзм» определяется как **«методологический принцип** (выделено мной. — АБ) рассмотрения предметов и явлений в их истории». В «Толковом словаре» Ушакова, однако, слово «историзм» ещё никак не связано с понятием «марксизм». Единым сочетанием эти два слова стали, скорее всего, несколько позже. Но бросается в глаза, что уже здесь историзм характеризуется как «принцип мышления», т. е. как *метод*, а не как *теория*, что являлось вполне объяснимым, потому что «теория» в советской исторической науке уже существовала — ею являлась теория марксизма, а соответствующий ей исторический метод в то время как бы ещё выкристаллизовывался. Таким методом и должен был стать метод «марксистского историзма», который требовал от исторического исследователя воспринимать исторические явления *в их развитии*.

Но историки давно ведь научились воспринимать исторические вещи в *их развитии*. Если бы история не рассматривала человеческую действительность в её *развитии*, то она перестала бы быть *историей*. Суть «марксистского историзма» заключалась, однако, в том, чтобы воспринимать вещи не просто *в их развитии*, а в *их закономерном развитии*. Именно таким образом определяет понятие историзм «Исторический словарь» 1965 г., который видит в историзме «принцип научного мышления,

рассматривающий все явления как развивающиеся на основе определённых объективных закономерностей» [12 т. 6, с. 453-454]. При этом авторы исторического словаря хорошо осознавали тот факт, что кроме «марксистского историзма» существует ещё и «буржуазный историзм», представители которого, как они это совершенно верно заметили, в это понятие «вкладывали совершенно особый смысл...» [12 т. 6, с. 453-454]. В качестве главных представителей буржуазного историзма словарь называет Бенедитто Кроче (Benedetto Croce) и Вильгельма Дильтея (Wilhelm Dilthey). Прежде чем продолжить анализ советской лексики я хотел бы указать на следующий момент: марксистская лексика развивалась в своём противопоставлении «буржуазной терминологии». По этой причине она носила чётко выраженный идеологический характер. И если необходимо было бы выделить в советской исторической науке несколько самых идеологизированных понятий, то понятие «марксистского историзма», без всякого сомнения, оказалось бы в этом списке. Замечу, что также советские словари и энциклопедии развивались и менялись с течением времени. Так, например, позднесоветские словари и энциклопедии уже не концентрируются особо на анализе «буржуазного историзма», а основательно излагают принципы «марксистского историзма», которые к тому времени уже были довольно ясно и чётко изложены в целом ряде фундаментальных работ, таких, например, как, опубликованная в 1981 г. статья М. Г. Могильницкого «В.И. Ленин об историческом методе» [9 с. 5-27; 6 с. 197-207]. Надо сказать, что в позднесоветских интерпретациях историзма всё сильнее стала подчёркиваться роль Ленина в обосновании этого понятия. И если «Толковый словарь» Ушакова 1930-х гг. ещё «не видел» связи между ленинской теорией и историзмом, то «Философский словарь» 1983 г. рядом со своим определением понятия «историзм», в котором он, кстати, видит *принцип* «подхода к действительности как изменяющейся во времени, развивающейся» [5 с. 227-228], размещает известную ленинскую цитату о том, что историк обязан «... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый

вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своём развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (ПСС., т. 39, с. 67). И эта характеристика историзма повторялась практически без изменений во всех словарях и энциклопедиях позднесоветского периода. Более того, она, успешно пережив все перипетии и катаклизмы XX столетия, перешла в неизменном виде и в современные российские словари. Хотя, замечу, что в постсоветской России в интерпретации историзма появились новые, даже неожиданные, аспекты и моменты. Мне, например, пришлось натолкнуться на статью под заголовком «Об историзме в изучении истории чувашского народа» [10] (?), а позже встретить и заметку известного теоретика истории Николая Копосова «Историзм по-министерски» [8 с. 13], в которой последний резко критиковал «чиновничью интерпретацию» этого понятия. Однако анализом постсоветских интерпретаций понятия «историзм» я в рамках данной статьи заняться, к сожалению, не в состоянии. Замечу только, что в своих заграничных условиях я имел всё-таки ограниченный доступ к русскоязычным словарям и энциклопедиям. Но уже и анализ ограниченного числа источников вполне позволил выявить общую тенденцию в развитии понятия «марксистский историзм». Кроме того, исследователь истории понятий, должен, по моему мнению, анализировать не только или даже не столько тексты, сколько условия их возникновения и написания. И особенно это касается текстов советской эпохи, которые сегодня возможно правильно понять и воспринять только в контексте тех условий, в которых они создавались и писались. А это означает, что исследователь понятия «марксистский историзм» должен непременно обратиться к типу мышления советского историка и к истории советского общества, в котором это понятие родилось, укрепилось и распространилось. Принцип «марксистского историзма» был рождён коммунистической идеологией. Задача его заключалась в том, чтобы в условиях идеологической конфронтации обеспечить «единство»

взглядов и подходов в восприятии прошлого. В этом смысле принцип этот являлся методологическим *инструментом*, принесённым в историческую науку извне. Но, надо сказать, что коммунистические идеологи явно недооценили способность «герменевтического разума» преодолевать однообразие человеческой мысли. Ведь даже там, где прошлое воспринималось на основе только одного, имеющего *абсолютный* характер, принципа (например, христианское или марксистское историописание), никогда и никому не удавалось сохранять абсолютное «единство» взглядов и подходов в восприятии прошлого. Причина этого лежала в том, что и «единый принцип» вынужден был существовать, если он, конечно, хотел существовать, как в различных *временных эпохах*, так и в *различных* (политических, идеологических, экономических и социальных) условиях. И если люди были в состоянии обосновать «единый принцип», то они были не в состоянии гарантировать «единые» и неизменные условия его существования. Последние постоянно менялись и развивались. По этой причине принцип «марксистского историзма» излагался в 1930-е гг. не так, как в 1980-е гг., а сегодня мы интерпретируем его совершенно иначе, чем наши предшественники. При этом качество понятийных интерпретаций менее всего зависело от «времени» или «условий» их возникновения, а оно прежде всего определялось способностями индивидуально-го разума, который и в критические моменты истории мог быть «на высоте времени» и который мог, даже в период наибольших свобод, оставаться посредственным и тривиальным. Барговская интерпретация понятия «марксистского историзма» находилась, без сомнения, на высоте своего времени, потому что содержала оригинальные и инновативные моменты. Именно по этой причине она вызывает интерес и у современного читателя. Свою концепцию историзма М. А. Барг изложил в изданной им в 1987 г. книге «Эпохи и идеи: Становление историзма». Уже в первом предложении своей книги известный советский медиевист указывает на тот факт, что «суть категории «историзм» составляет идея развития во всех областях человеческого знания вообще и

в науках о человеке в частности. Кажущаяся нам столь самоочевидной истина, согласно которой ни сам человек и его мышление, ни общественные институты не могут быть поняты вне связи, во-первых, с обстоятельствами места и времени их функционирования и, во-вторых, с историей их возникновения и развития, была полностью осознана только к середине XIX в. Торжество идеи развития, прежде всего в анализе социокультурных проблем, явилось следствием первой научной революции, развернувшейся в XVII в. в естествознании и нашедшей свое завершение в марксистском историзме» [1 с. 3].

На первый взгляд может показаться, что М.А. Барг повторяет здесь общепринятое в советской исторической науке определение историзма. Но, читая страницу за страницей книгу М.А. Барга, читатель начинает постепенно осознавать, что историзм у Барга является не просто «познавательным принципом», а он есть «мировоззренческая категория», которая включает в себя как представления об историческом времени / пространстве, так и мысли о смысле / ходе истории. М.А. Барг называет самые различные типы историзма, особо выделяя при этом средневековый историзм. Характеризуя последний, он указывает на то, что в этом типе историзма были «совмещены все три модальности времени» [1 с. 167] (прошлое, настоящее, будущее), так что и знание о будущем приобретало в нём «исторический характер». Средневековый историзм, замечает по праву М.А. Барг, имел «пророческий, эсхатологический пафос: завершение и конец истории человечества в нём столь же ,отчётливо‘ представлены, как и её начало» [1 с. 166-167]. Для М.А. Барга историзм, однако, включает в себя не только философские представления человека об окружающем его мире, но он также отражает ментальность и дух конкретной эпохи. «В самом деле», ставит свой вопрос М.А. Барг, «есть ли нечто общее между средневековым романом и архитектурой средневековых соборов, средневековой историографией и средневековой драмой, средневековой миниатюрой и средневековой философией? На каком основании все эти формы духовного самовыражения человека мы именуем средневековыми, причём

даже в тех случаях, когда их датировка не установлена? Что между ними общего, что их объединяет?» [1 с. 15].

И даёт на него следующий ответ: «Давно уже обнаружено, что подобные феномены в рамках данной эпохи отмечены печатью одной и той же ментальности, т. е. одними и теми же ,ключевыми' (онтологического характера) представлениями...» [1 с. 15].

М. А. Барг говорит о «духе времени», который находит своё отражение как в архитектуре, так и в литературе, как в искусстве, так и в мышлении определённой эпохи. Мне же здесь сразу вспоминается высказывание известного представителя немецкой Школы историзма – Вильгельма Дильтея (Wilhelm Dilthey), который по отношению к подобному культурному разнообразию замечает, что «в этом смысле говорят о духе времени, о духе средневековья, духе Просвещения. Этим одновременно признаётся, что каждая из этих эпох находит своё ограничение в *горизонте жизни*» («In diesem Sinne spricht man vom Geist einer Zeit, vom Geist des Mittelalters, der Aufklärung. Damit ist zugleich gegeben, daß jede solcher Epochen eine Begrenzung findet in einem *Lebenshorizont*». [16 s. 218]). Примечательно, что Дильтей говорит здесь о «границах» *горизонта жизни*. И, действительно, любой горизонт предполагает существование границ. По этой причине любой «тип историзма» всегда неизбежно наталкивался на *свои* «границы», которые одновременно были и границами *его* времени и *его* эпохи. Границы эти, хотя и очень медленно, но менялись. Поэтому мы наблюдаем в развитии историзма не только континуитет, но и «прерывность», констатирует М.А. Барг, не скрывая того факта, что его более всего в развитии историзма интересует именно «прерывность» [1 с. 18], потому что именно она имеет дело со сменой парадигмы или со сменой, как он метко выражается, «объяснительных схем» в истории.

М.А. Барг исходит из существования различных «типов культуры», которые объективно *даны* историку: «... в общем и целом *тип историзма* столь же объективно задан историку, как *тип культуры* – современнику данной эпохи» [1 с. 15], считает

он. Более того, М.А. Барг утверждает, что «в конечном счёте тип историзма, доступный каждой данной эпохе, задаётся её выразителям столь же *объективно*, как и общественный способ производства» [1 с. 341]. Но тут я должен возразить М.А. Баргу.

Любой историк действительно вынужден интерпретировать прошлое в границах *данного* ему «типа культуры», т.е. вынужден подчиняться «объяснительным схемам» своего времени. Благодаря этому мы, между прочим, в состоянии различать между *античной*, *христианской* или *марксистской* историографией. И если бы, предположим, датировка книги М.А. Барга, как это произошло с некоторыми, упомянутыми им выше, средневековыми вещами, не была установлена, то мы бы, несмотря на её отсутствие, с уверенностью отнесли бы её к советской или же к марксистской историографии, потому что мы в состоянии в дилетантском смысле и сейчас «пережить» дух той эпохи, которым пронизана его книга. Исторiku действительно трудно, а иногда практически невозможно, покинуть границы *своей* эпохи или же того «типа мышления», который в ней господствует. Но, с другой стороны, люди были в состоянии отвергать даже тот «тип мышления», который давался им «объективно». И этому можно найти немало подтверждений в истории! Историки могли отвергать, также данный им «объективно», тип мышления или же они могли, вопреки всяким новым тенденциям, упорно отстаивать, причём отстаивать десятилетиями, традиционные методы и подходы в изучении прошлого, как это произошло, нет, не с советскими, а с немецкими историками эпохи историзма. Подобная зависимость немецкой историографии от традиционных методов исследования прошлого является трудно объяснимым феноменом. Ведь немецкие историки практически никогда, исключая лишь период господства национал-социализма, не подвергались репрессиям или давлению извне, не находились в такой жёсткой зависимости от политических или идеологических факторов, в которой находились советские историки. Но никакая другая профессиональная группа в Германии, кроме, возможно, государственных служащих и чиновников, не отстаи-

вала десятилетиями с таким упорством свои традиционные методы и взгляды, свою «кастовость» и свою «исключительность», как группа немецких историков.

Немецкий историзм

Приступая к анализу немецкого историзма, замечу, что также и этот тип историзма являлся довольно сложным и противоречивым явлением, включающим в себя гетерогенные элементы. Также немецкий историзм являлся довольно многообразным феноменом, проявляющим себя в самых различных вариативных формах. Исходя из того разнообразия, которое господствовало и господствует в интерпретации понятия «историзм», немецкий философ Герберт Шнедельбах (Herbert Schnädelbach) предложил ограничиться только одной его существенной характеристикой: «Историзм – это духовная позиция, которая видит во всех культурных феноменах *исторические* феномены и таким же образом их объясняет» («Was nun den Historismus betrifft, so möchte ich mich angesichts der Vielfalt möglicher Historismusbegriffe, mit einer Charakterisierung begnügen, die für unsere Zwecke ausreicht. Historismus ist eine Geisteshaltung, die *alle kulturellen Phänomene als historische sieht und erklärt*». [24, s 20]). Думаю, что подобное определение историзма вполне устроило бы и М.А. Барга. Но на этом, однако, «общие моменты» в понимании «историзма» между М.А. Баргом и его немецкими коллегами, пожалуй бы, и закончились. Ведь словом «историзм» в Германии обозначается вполне конкретная, длившаяся от начала XIX в. и вплоть до середины XX в., эпоха. Классическими представителями немецкого историзма обычно называют Леопольда фон Ранке, Бартольда Нибура, Вильгельма Гумбольда, Йоганна Густава Дройзена, Якоба Буркхарда, Теодора Mommsen. Немецкая Школа историзма возникла в начале XIX в., но само понятие историзм, как уже упоминалось выше, было введено в употребление лишь в 1930-х гг.

Несмотря на разногласия и длительные споры о сущности историзма, в Германии всё-таки сложилось единое мнение о том, *что есть* «историзм». Большинство немецких исследователей, характеризуя суть историзма, опираются на те принципы исторического мышления, которые были сформулированы крупнейшим немецким историком XIX столетия Леопольдом фон Ранке. Последний, естественно, не употреблял понятия историзм (Ранке умер 23 мая 1886 г.) и даже не написал ни одной специальной работы, посвящённой этому понятию. Все его высказывания об историзме были косвенными замечаниями, которые Ранке сделал или в введениях к своим трудам, или же в предисловиях к своим лекциям, или же в своих интервью. Но именно эти, побочно сделанные им, высказывания и замечания о «ремесле историка» стали позже «крылатыми выражениями», которые с абсолютной точностью отражают суть понятия «историзм». Ранке считал, что исследующий прошлое историк должен,

- «лишь показать, как это действительно было» / «Bloß zeigen, wie es eigentlich gewesen» [23 Bd. 33/34, VII];

- стремиться растворить самого себя в прошлом, чтобы «дать возможность заговорить самим вещам» / sein «Selbst gleichsam auszulöschen, und nur die Dinge reden, die mächtigen Kräfte erscheinen lassen» [23 Bd. 15, 103];

- учитывать, что «каждая эпоха имеет непосредственную связь к Богу. И ценность каждой эпохи лежит не в том, что из неё получилось, а в ней самой» / «Jede Epoche ist unmittelbar zu Gott, und ihr Wert beruht gar nicht auf dem, was aus ihr hervorgeht, sondern in ihrer Existenz selbst» [22 s. 60].

Из вышеназванных цитат Л. ф. Ранке следуют три важных требования, которые он ставит перед историком. Ранке требует от историка

- 1) следовать принципу *объективности*, т. е. описывать прошлое так, «как это действительно было» (*Objektivität*);

- 2) стремиться дать возможность «заговорить самим вещам», т. е. занять позицию *нейтрального исследователя* (*Neutralität*);

3) исходить из принципа *индивидуальности* и *неповторимости* любых исторических явлений и событий (*Individualität / Einzigartigkeit*).

Разумеется, описать такой богатый и разнообразный феномен как история историзма лишь в «трёх тезисах», означает невероятно обеднить и упростить его. С другой стороны, у меня здесь появляется исключительная возможность наглядно продемонстрировать читателю, «что» происходит с исторической действительностью, когда она охватывается и описывается лишь в «двух-трёх» понятиях. Применяя понятия, мы таким образом «накладываем схему» на необычайно разнообразную и далёкую от схематичности действительность. Но историки пока не нашли *более лучшего* метода объяснения прошлого, чем его *понятийное* описание. Возвращаясь к исследовательским принципам Ранке, замечу, что лучше всего эти исследовательские принципы позволяли себя применять к политической истории, в которой события и процессы действительно почти всегда носили и носят *индивидуальный, неповторимый, непредсказуемый* характер, в которой ход истории определяют «великие личности». Отсюда и знаменитое высказывание немецкого историка Генриха фон Трайчке (Heinrich von Treitschke) — «Männer machen Geschichte», что в переводе означает «мужчины делают историю». В этой лаконичной фразе, по моему мнению, отражена вся суть немецкого историзма. Обратимся к более подробно анализу этого предложения Трайчке.

В основе его фразы «Männer machen Geschichte» лежит, во-первых, определённая историко-философская концепция, исходящая из представления о том, что история является результатом «деяний великих людей». Именно их Трайчке называет «Männer», т. е. «настоящие мужчины». Ф. Ницше, однако, не без доли некоторого сарказма заметил позже по этому поводу, что великое может быть познано только великим, а нынешний историк является «знатоком великого без способности к великому» («*Der Kenner des Großen ohne das Können des Großen*»). [21 s. 137]).

Сформулированная Трайчке установка «Männer machen Geschichte», во-вторых, вела автоматически к существенному ограничению исследовательского поля историка, вынуждая последнего заниматься, прежде всего, политической историей. Сам того не осознавая, Трайчке, в буквальном смысле в «трёх словах», отразил всю тематическую и методологическую ограниченность немецкого историзма, из поля зрения которого выпала как гендерная, так и социально-экономическая история, как история революционного движения, так и повседневная история. Но, несмотря на эту *тематическую* и *методологическую* ограниченность историзма, последний доминировал мышление немецкого историка вплоть до 1960-х гг. И даже такие мощные «толчки» как появление марксизма, а вместе с ним и социальной и экономической истории, а также разгоревшаяся на пороге XIX и XX столетий, методологическая дискуссия о Лампрехте (Lamprecht-Streit), не смогли серьёзно поколебать его основ.

Свои позиции немецкий историзм стал сдавать, как это ни странно, в тот момент, когда он, наконец-то, «приобрёл своё лицо» и стал «понятием». А произошло это, как мы уже говорили, в 1930-х гг., благодаря выходу выше уже упомянутой книги Ф. Мейнеке «Возникновение историзма». Но что интересно, не успев стать «понятием», историзм тут же подвергся основательной «внутрицеховой критике» историков, среди которых особенно выделялся Карл Хойзи (K. Heussi). Последний по праву указывал на то, что немецкие историки, занявшись вначале сбором материала об Античности, а потом о Древнем Востоке и позже Византии интерпретируют прошлое на один и тот же лад: «Целые человеческие жизни были посвящены тому, чтобы сначала накопить материал, а потом бесконечно рыться в нём» («Hier wird die Vergangenheit zum Moloch, der die Lebenden mit allen Möglichkeiten wirklich fruchtbaren Schaffens verschlingt»). [17 6f). Хойзи приходит к заключению: «весь этот процесс напоминает производство истории ради самой истории» («„Historismus“ ist danach vor allem der Betrieb der Historie um ihrer selbst willen» [18 Ebd.].

Однако, что означает интерпретировать прошлое на «один и тот же лад»? Историки историзма находились в непрерывном процессе поиска «идей» в истории, которые, по их убеждению, являлись «движущими силами» исторического развития. Дройзен называл их также «*sittliche Mächte*», т. е. «нравственные силы», проявляющие себя как в развитии государства, так общества и искусства. Но, занятый поиском «идей» в истории, историк историзма проглядел те важные события и процессы, которыми было охвачено современное ему общество: индустриализацию и связанное с ней обострение социальных конфликтов, развитие рабочего и революционного движения, усиление как левого, так и правого экстремизма.

Можно даже утверждать, что в какой-то степени историк историзма создал для себя свою собственную – *имагинарную* – действительность, границы которой он никак не хотел покидать, пока сама действительность не вышвырнула его бесцеремонно за эти границы. А произошло это после гитлеровского переворота 1933 г. Нацистский режим не нуждался в исследовательских принципах историзма, он не стремился к *объективной истории*. В истории нацизм видел, прежде всего, «средство» обоснования своих человеконенавистнических идей. Нацистская историография бесстыдно использовала и искажала прошлое в своих националистических и расистских целях.

Трагедия немецкого историзма заключалась в том, что он оказался абсолютно не в состоянии каким-либо образом воспрепятствовать подобному развитию «исторической мысли». Именно в этот момент и проявилась со всей чёткостью как теоретическая, так и методологическая слабость немецкого историзма. По мнению чешского историка Франтишека Грауса (František Graus) существенная проблема немецкого историзма лежала в его «традиционно ограниченной концентрации на народе и государстве (это в каком-то смысле отличало его консервативную историографию от историописания нацистов, делавшей ударение на расу), а также в отсутствии у него осознанной ответственности за происшедшее при одновременном прославлении насилия и вла-

сти, в полном отсутствии презрения к бандитам и палачам, по отношению к которым немецкие историки чувствовали себя выше и умнее, но чьими сообщниками они фактически оказались: Полное презрение ко всем 'негерманским народам', тупое чувство национального превосходства, презрение к гуманистической традиции, создание исторических легенд – именно в этом состоит вина немецкой историографии» [17 с. 91].

Сказанное, однако, вовсе не означает, что историки историзма являлись прямыми союзниками национал-социализма. Подобный взгляд на вещи был бы слишком упрощённым и, к тому же, несоответствующим действительности. Но, являющиеся влиятельной частью немецких элит, консервативные историки, несомненно, сыграли свою бесславную роль в приходе к власти нацизма.

Как бы то ни было, из Второй Мировой войны историзм вышел довольно ослабленным, но, тем не менее, он продолжал оказывать своё влияние на послевоенную историческую науку в Германии. Ситуация с историзмом радикально изменилась лишь к 1960 г., когда немецкие историки обратились к исследованию как роли немецких элит, так и немецкой нации в разжигании мировых войн. И здесь существенную роль сыграла, вышедшая в 1961 г., книга немецкого историка Фритца Фишера «Хватка мировой державы» (Fritz Fischer: Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918). Последний обратился к причинам Первой Мировой войны, которые он искал не только в политической, но и в социально-экономической истории. Такая постановка вопроса требовала от историка совершенно *другого* подхода к прошлому. Именно в этот момент ярко стала себя проявлять методологическая и теоретическая ограниченность исследовательского метода историзма, с помощью которого невозможно было найти ответы на актуальные вопросы современности. Причины Мировых войн, революций и диктатур необходимо было искать не только в области «идей», хотя последние, несомненно, являлись одной из причин катастроф, а их необходимо было искать в области эко-

номической и социальной истории. По этой причине в 1960-х гг. в Германии возникло новое направление, т.н. Historische Sozialwissenschaft («социальная история»), которому принадлежали, тогда ещё молодые, историки Юрген Кокка (Jürgen Kocka) и Ханс-Ульрих Велер (Hans-Ulrich Wehler), которое покончило с безграничным господством историзма в немецкой исторической науке. Но это уже другая тема, которую мы в рамках данной статьи рассматривать не будем.

В заключение вопрос: что осталось от историзма? А осталось от него действительно очень многое: остался его критический метод исследования прошлого, которым мы пользуемся и сегодня – внешняя и внутренняя критика источников, строгое оформление справочного аппарата, использование сносок, примечаний и ссылок. Но заслуга историзма не ограничивается, разумеется, лишь его достижениями в области оформления научного аппарата. Историзм внёс неоценимый вклад в развитие исторической мысли и теории исторического познания. Работы В. Гумбольдта, Й.Г. Дройзена или В. Дильтея являются настольными книгами современного историка. Именно теоретики историзма впервые обратились к проблеме исторического понимания, а также к проблемам коллективного воспоминания и переживания прошлого. Именно они заложили основы исторической герменевтики и положили начало такой важной теоретической дисциплины как «историка». И нам предстоит приложить ещё немало сил, чтобы переработать то необычайно богатое духовное наследие, которое нам оставили классики немецкого историзма. И здесь, казалось бы, можно было бы поставить точку и закончить статью. Но, поставив точку, мы оставим без ответа вопрос, который был поставлен в самом начале данной статьи: каким образом историку избежать проблем, которые возникают при применении понятий? Ответ на этот вопрос возможно дать только в рамках общей истории понятий.

Об истории понятий

Классическим трудом, положившим начало современной истории понятий, обычно называют, изданный в 1972 – 1997 гг. немецкими историками Отто Брунер, Вернер Конце и Райнхарт Козеллека (Otto Brunner, Werner Conze и Reinhart Koselleck) многотомного словарь «Основных исторических понятий», избранные статьи которого не так давно были опубликованы и на русском языке [11, 14]. К немногочисленным квалифицированным критикам этого, действительно уникального, словаря принадлежит Дитрих Буссе (Dietrich Busse), который в своей книге «Историческая семантика» указывает на принципиальное противоречие, на которое вынужденно наталкиваются его авторы. При этом Буссе имеет в виду, скорее, не всех авторов словаря, а только Р. Козеллека, который не только практически занимается понятийной историей, но и обосновывает как теоретически, так и методологически «механизмы» понятийного мышления историка. Указывая на функции исторических понятий, Козеллек по праву подчёркивает, что только понятия в состоянии «систематизировать всё разнообразие исторического опыта» («die Vielfalt geschichtlicher Erfahrung bündeln»). По этой причине они являются своего рода «индикаторами исторического развития» («Indikatoren geschichtlicher Bewegung»). Но, с другой стороны, говорит Козеллек, понятия являются не только «индикаторами», но и «факторами исторического процесса» («Faktoren des geschichtlichen Prozesses») [15 s. 51], которые непосредственно влияют на ход исторических процессов. Речь, таким образом, идёт здесь о «двойной функции» понятий. Однако именно эта двойная функция, по мнению Буссе, порождает неопределённость и неуверенность у исследователя исторических понятий, потому что она оставляет открытым вопрос о характере отношения между «языковой» и «неязыковой» действительностью» [15 s. 51]. С одной стороны, именно история понятий позволила нам осознать тот факт, что, только благодаря языку и его понятиям историческая действительность стала для человека *осо-*

знанной действительностью. С другой стороны, понятийная история демонстрирует нам наглядно, что понятия не только «объясняют», но и реально «меняют» действительность («Begriffsgeschichten bezeugen Sachverhalte»). Так, например, история коммунизма началась с рождением понятия «коммунизм» и была бы без последнего невозможна.

Оба этих утверждения о двойственной роли понятий верны и оба находятся в явном противоречии друг к другу. Ведь невозможно утверждать, что язык, с одной стороны, «отражает», а, с другой стороны, «конституирует» действительность, не выяснив при этом отношения между «языковой» и «неязыковой» действительностью. «Вначале необходимо всё-таки поставить вопрос о самом понятии „понятие“, а также вопрос об отношении «слова» к «понятию» [15 s. 52], предлагает нам Буссе. Ведь далеко не каждое «слово» становится «понятием». Очевидно, что речь здесь, продолжает он, идёт о различных лингвистических категориях, между которыми существуют дифференции эпистемологического характера. Ведь «имеются слова повседневного языка, которые имеют простые значения, и имеются такие слова, которые, являясь особым видом осмысления действительности, по не вполне для нас понятным причинам, приняли статус понятий» [15 s. 53].

Ясно одно, смешение «слов» и «понятий» может привести не только к трудностям, но и к искажениям в процессе познания прошлого, утверждает французский историк Поль Вен (Paul Veyne). Более того, смешение понятий может «породить в нашем уме ложные сущности и наполнить историю несуществующими универсалиями» [3 с. 163]. И именно здесь скрывается «самая главная опасность» для историка, считает Поль Вен, приводя в этой связи один показательный пример: исторические исследователи, применяя слово «преступность», начинают часто «бросать в одну и ту же корзину» самые различные явления, как, например, ограбление промышленных компаний, коллективные драки, насилие на Диком Западе, вендетту на Корсике, а также, вызванный нищетой, разбой в Сардинии... [3 с. 164]. Од-

нако подобное «обобщение» различных исторических явлений приводит к тому, что историки находят в истории «ложную преемственность» и «обманчивые генезисы» [3 с. 162]! Для того, чтобы избежать подобных ошибок, историку необходимо учитывать, что исторические понятия обладают как *лингвистическими*, так и *историческими* значениями, смешивать которые историку никак не рекомендуется.

Историку непозволительно автоматически переносить *лингвистические* значения в область *исторических знаний*. Подобная «операция» может не только вызвать путаницу в понимании прошлого, но и привести к его искажению. Поль Вен демонстрирует нам это на примере слова «дань», которое обладает полисемическим характером. Мы можем словом «дань» обозначить принципиально любое действие, в котором производятся натуральные или денежные поборы. Лингвистика вполне позволяет нам это сделать. Но ведь историк вынужден различать между *налогом*, *податью*, *тяглом*, *контрибуцией*, *подарком*, *грабежом* и *платежом*. Если историк объединит под одним и тем же понятием самые различные исторические феномены, то тогда он не сможет понять их *исторической* сути! Историк должен очень осторожно пользоваться теми «инструментами», которые поставляет ему *лингвистика* и не забывать о том, что *лингвистический* анализ понятий не тождествен их *историческому* анализу.

Общая проблема лингвистических понятий лежит в том, что они группируют и объединяют в себе самые различные, а иногда даже абсолютно противоречивые, феномены, что часто подготавливают серьёзную головную боль историку. Последний вынужден, подчиняясь законам *лингвистики*, рассматривать их из одной и той же перспективы или под «одним и тем же углом зрения». Он, разумеется, вправе *критиковать* широкое смысловое значение определённых слов и понятий, но *отменить* он его не в состоянии. По этой причине историк остаётся принципиально зависимым от той «понятийной системы», в которой «развёртывается философствование» (или же «историзирование»). –

АБ), которая «владеет нами точно так же, как определяет нас язык, в котором мы живем» [4 с. 23], утверждает немецкий философ Х.-Г. Гадамер.

Но, в отличие от лингвистических понятий, исторические понятия не просто «обозначают» процессы и события прошлого, а они ещё и «интегрируют» их в наши современные отношения. Существенную роль в этом интеграционном акте играют как национальные, так и социальные, как идеологические, так и политические факторы, в чём мы наглядно убедились, анализируя историю понятия «историзм». Если в русскоязычном пространстве на развитие понятия «историзм» существенное влияние оказала марксистская идеология, то в немецкоязычном пространстве историзм развивался под сильным влиянием философии немецкого идеализма. Влияние последней на историческую науку первой половины XIX века было настолько сильным, что известный немецкий мыслитель Вильгельм Гумбольдт (Wilhelm Humboldt) вынужден был даже предупредить историков, указав на то, что «философия предписывает событиям цель. А подобный поиск конечных причин, откуда бы они не выводились – из сущности человека или природы, – мешает свободному взгляду на своеобразное действие сил в истории и искажает его...» («Die Philosophie schreibt den Begebenheiten ein Ziel vor, dies Suchen nach Endursachen, man mag sie auch aus dem Wesen des Menschen und der Natur ableiten wollen, stört und verfälscht alle freie Ansicht des eigenthümlichen Wirkens der Kräfte...» [19 s. 596]. Советские историки не могли с такой открытостью, как это сделал В. Гумбольдт, указать на опасную зависимость исторической науки от марксизма, который тоже ведь, в принципе, «предписывал событиям цель» и «мешал свободному взгляду на своеобразное действие сил в истории», временами «искажая его». Но принципиальная проблема любых исторических понятий заключается в том, что понятия никогда не существовали и, вероятнее всего, никогда не будут существовать независимо от мировоззренческих, политических, идеологических или лингвистических факторов. Избежать влияния этих факторов на историческую науку

историки, разумеется, не в состоянии, но они в состоянии это влияние *осознать* и *понять*.

И последний момент, на который я бы хотел в заключение указать. Критики истории понятий часто упускают из виду тот факт, что *понятийная рефлексия* является не только «рефлексией о событии», а она уже *сама по себе* является «событием». Ведь понятия *существуют* и *проявляют* себя в конкретных коммуникативных акциях, которые оказывают самое прямое воздействие на реальную *действительность*.

Понятие «марксистский историзм» являлось продуктом особой *действительности*, которая, в свою очередь, стала меняться под воздействием тех понятий, которые она сама же породила. И именно эта, меняющаяся и развивающаяся действительность, поставила как советского, так и немецкого историка в такие условия, в которых он не мог больше описывать прошлое так, как он его описывал раньше. И в этом, возможно, и заключается «двойственная роль» понятий, о которой говорил Буссе. Понятия принадлежат как «языковой», так и «неязыковой» действительности. Они являются одновременно и «индикаторами», и «факторами» исторических процессов.

Происходя из определённого прошлого, исторические понятия всегда принадлежат и конкретному настоящему, являются элементами его коммуникативных структур, т.е. элементами его коммуникативных акций и коммуникативных ситуаций. Являясь «мыслями прошлого», исторические понятия являются и «мыслями настоящего». Ведь никакие мысли *прошлого* не могут существовать вне мыслей *настоящего*. Мы имеем право даже сказать, что мысли прошлого «сохранились» только по той причине, что они стали мыслями настоящего. А вместе с этими мыслями сохранилось и прошлое, сохранилась история. В этом отношении абсолютно прав Р. Дж. Коллингвуд (R.G. Collingwood), который приходит к выводу, что «вся история – история мысли» [7 с. 204]. Понятийная история является эмпирическим подтверждением его вывода.

Литература

1. *Барг М.А.* 1987: Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 348 с.
2. *Брокгауз Ф.А и Ефрон И.А.* 1894: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Изд-во: Семёновская Типолитография (И.А. Ефрона), Т. XIIIА. СПб., С. 500 - 508.
3. *Вен Поль* 2003: Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 394 с. (Veyne, Paul Comment on écrit l'histoire. Essai d'épistémologie. Paris, Éditions du Seuil 1971).
4. *Гадамер Ханс-Георг.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с. (Gadamer, Hans-Georg. Wahrheit und Methode. Die Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik).
5. *Ильичёв Л.Ф.* и др. 1983: Философский энциклопедический словарь. Изд. «Советская энциклопедия». М., 840 с.
6. *Инполитов Г.М.* 2013: Принцип марксистского историзма в зеркале советской историографии: Опыт краткого историографического обзора // Известия Самарского научного центра. Самара. №5. С. 197–207.
7. *Коллингвуд Р. Дж.* 1980: «Идея истории. Автобиография». М., 485 с.
8. *Копосов Н.* 2014: Историзм по министерски // Наука и общество. № 154. С. 13. Электронный ресурс URL: <http://trv-science.ru/2014/05/20/istorizm-po-ministerski/>
9. *Мозильницкий Б.Г.* 1981: В. И. Ленин об историческом методе // Средние века. М., Вып. 44. С. 5-27.
10. *Погодин Е.П.* «Об историзме в изучении истории чувашского народа». Электронный ресурс URL: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/book/export/html/1115>
11. Словарь основных исторических понятий. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии. Избранные статьи. В 2-х т. М., 2014.
12. Советская историческая энциклопедия в 16 тт. 1965: Том 6. Государственное научное издательство «Советская энциклопедия». М., 521 с.
13. *Тоштендаль Р.* 2010: Возвращение историзма? Неоинституционализм и «исторический поворот» в социальных науках. // «Диалог со временем». № 30. С. 14-25.

14. *Brunner O. / Conze, W. / Koselleck, R.* 1972-1997: Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland, hrsg. im Auftrag des Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte e.V., 8 Bde. Stuttgart.
15. *Busse Dietrich* 1987: Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart. 334 c.
16. *Dilthey Wilhelm.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Einleitung von Manfred Riedel. Frankfurt a. M. 1993. 402 S.
17. *Graus F.* Geschichtsschreibung und Nationalnationalismus. 1969: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Heft 1, S. 87-95.
18. *Heussi K.* Die Krisis des Historismus. Tübingen 1932. 104 S.
19. *Humboldt W.* 1960: Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Schriften zur Anthropologie und Geschichte. Stuttgart. S. 585-606.
20. *Lorenz Ch.* 1997: Konstruktion der Vergangenheit. Eine Einführung in die Geschichtstheorie. Köln, Beiträge zur Geschichtskultur 13. Köln / Wien. 1091 c.
21. *Nietzsche Friedrich* 1995: Unzeitgemäße Betrachtungen. Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. Friedrich Nietzsche Werke in 2 Bänden. Bd. 1. Essen „PHAIDON“. S. 130-162.
22. *Ranke L.v.* 1971: Über die Epochen der neueren Geschichte. Vorträge dem Könige Maximilian II. von Bayern im Herbst 1854 zu Berchtesgaden gehalten. Vortrag vom 25. September 1854. Historisch-kritische Ausgabe, hg. v. Theodor Schieder und Helmut Berding, München und Wien. S. 53-67.
23. *Ranke Leopold von* 1885: Sämtliche Werke, 54 Bde. (1867-1890). Bd. 33/34. Leipzig.
24. *Schnädelbach H.* 1979: Über historische Aufklärung. In: Allgemeine Zeitschrift für Philosophie №2. S. 17-36.